

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

РОБЕРТ ИРВИН
ГОВАРД

БЕЗЫМЯННЫЕ
КУЛЬТЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Сое)-445

Г57

Художественное оформление *Василия Половцева*

Говард, Роберт Ирвин.

Г57 Безымянные культуры : Миры Ктулху и другие истории ужаса [фантастические повести, рассказы] / Роберт Ирвин Говард; пер. с англ. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 544 с. — (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-103884-7

Всего за тридцать лет жизни Роберт Ирвин Говард навсегда изменил облик не только фантастики, но и вообще популярной литературы. Героическая фэнтези и исторические авантюры, детективы и вестерны, истории о боксерах и восточные приключения, юмор и даже эротика — он одинаково свободно чувствовал себя во всех жанрах. Но настоящей любовью Говарда, по мнению множества исследователей, были сверхъестественные истории и мистика. Неудивительно, что именно этот человек, стоявший у истоков жанров «южной готики» и «неведомой угрозы», был также и одним из самых ярких творцов знаменитых «Мифов Ктулху» Г.Ф. Лавкрафта, с которым его связывала многолетняя дружба.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(4Вел)-445

© Войкова О.А., Забелина Я.К.,
Карчевский В., Корчагин Г.Л., Старков Д.А.,
Соловьев С.В., Тугушева А.Р., перевод
на русский язык, 2016

ISBN 978-5-17-103884-7

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Долина червя

Я расскажу вам о Ньёрде и Чудовище, слушайте. Существует множество вариантов этой истории, главный герой которой носит имена Тира, Персея, Зигфрида, Беовульфа или святого Георгия. Но именно Ньёрд был тем человеком, кто сразился некогда с поднявшейся из глубин ада отвратительной тварью, а его беспримерный подвиг и положил начало целой серии героических сказаний, которые, переходя из уст в уста, в конце концов утратили первоначально содержавшееся в них зерно истины. Я знаю, о чем говорю, ибо это я был Ньёрдом.

Прикованный к постели неизлечимой болезнью, я с нетерпением ожидаю смерти, ползущей ко мне подобно слепой улитке, но мои сны ярки, красочны и полны. И не себя — замученного болезнями и больше похожего на тень человечка по имени Джеймс Эллисон — я вижу в них. В моих грезах действуют иные герои — современники и участники величайших событий прошлого и будущего. Да, и будущего тоже.

Пусть с трудом, но мне удается разглядеть не только тех, что стоят за мной, но и тех, кто грядет им на смену: так человек, бредущий в длинной процессии, видит далеко впереди неясные фигуры. Я один из этих пилигримов и, вместе с тем, каждый из них, ибо любой из людей в этой бесконечной веренице — лишь мимолетное проявление иллюзорного, бестелесного, но, тем не менее, вечно живого духа.

Все мы, и мужчины и женщины на нашей планете — часть такой вереницы теней, и в то же время каждый из них целиком вмещает ее в себе. Правда, лишь отдельные избран-

ные знают об этом — разуму людскому не дано преодолеть те узкие страшные пропасти мрака, через которые перелетает душа, расставаясь с очередной телесной оболочкой. Я — знаю. Почему? История сама по себе удивительная, фактом, однако, является то, что в то время как надо мною медленно распахиваются черные крылья смерти, перед моими глазами разворачиваются картины моих прежних жизней, я вижу самого себя во многих лицах и характеристах.

Меня звали Ялмаром и Тиром, Браги и Хорсой, Эриком и Джоном. Я шагал рядом с Бренном¹ по безлюдным, залитым кровью улицам Рима. С Аларихом и его готами мы жгли селения, и ночью было светло, как днем от огня, пожиравшего римские усадьбы. Сама тысячелетняя Империя стонала под копытами наших диких коней. Это я с мечом в руке брел сквозь пенистые волны прибоя, чтобы грабежом и убийствами заложить фундамент Англии. Когда Лейф Счастливый² впервые увидел широкий песчаный берег незвестомого материка, я стоял рядом с ним на носу дракара, и ветер трепал мою рыжую бороду. Когда Готфрид Бульонский³ вел своих крестоносцев на стены Иерусалима, шел среди них и ваш покорный слуга.

Но не о них хочу я повести свой рассказ. Я перенесу вас в такое далекое прошлое, что, по сравнению с ним, времена Бренна и Рима кажутся не более, чем вчерашним днем. Не через годы и века поведу я вас, но через эпохи, туманные зоны — туда, куда не в силах заглянуть даже самые смелые из историков и философов. Глубже, глубже и еще глубже погрузимся мы в бездонное прошлое — к истокам рода человеческого, к корням моего народа, расы голубоглазых, светловолосых, могучих воинов, безжалостных врагов и верных друзей, неутомимых путешественников и первооткрывателей.

¹ Вождь кельтского племени сеннонов, разграбивший Рим в 387 году до н.э. Здесь и далее — примечания редактора.

² Лейф Эрикссон Счастливый (ок. 970 — ок. 1020) — легендарный скандинавский мореплаватель. Считается первооткрывателем Северной Америки.

³ Готфрид IV Бульонский (ок. 1060—1100) — один из предводителей Первого крестового похода, первый правитель Иерусалимского королевства.

Моя история о Ньёрде, Ньёрде — Победителе Чудовища, ставшем прототипом героя целого цикла легенд о страшных событиях, заложивших реальную основу в мифы о драконах и прочих монстрах и чудовищах.

Я буду говорить с вами не только от имени Ньёрда, но и от своего тоже. Ведь я — Джеймс Эллисон в степени не меньшей, чем был когда-то Ньёрдом. Рассказывая о том, что произошло тогда, я буду интерпретировать некоторые мысли, высказывания и действия Ньёрда с точки зрения нынешнего моего «я», чтобы сага об этом удивительном человеке не показалась вам галиматьей, лишенным смысла набором слов. Ибо поступки и образ мыслей Ньёрда настолько чужды нам, людям двадцатого века, насколько джунгли со львами и тиграми чужды белым стенам домов городской улицы.

Удивительным был мир, в котором Ньёрд жил, любил и сражался так много веков назад, что даже моя необычная память пасует, не в силах отыскать достаточно надежной точки отсчета, скользя по минувшим эпохам. Могу лишь сказать, что не однажды с тех пор менялось лицо Земли: возносились и тонули континенты, с места на место перетекали моря, пробивали новые русла реки, наступали и пятались ледники, меняли свое положение на небе звезды, складываясь в новые созвездия.

Это была эпоха начала эпических странствий человека разумного, эпоха, в которой племена голубоглазых и светловолосых людей двигались на север и на юг, на запад и на восток, в веками длившемся кочевые вокруг земного шара. Их следы и их кости можно отыскать в самых диких уголках современного мира. Я родился, вырос и возмужал в дороге. О родине, оставшейся где-то далеко на севере, сохранились лишь отрывочные воспоминания — неясные, словно полузабытый сон. В моей памяти — лишь образы ослепительно белых равнин и ледяных полей; огромные костры, пылавшие в центре круга из кожаных шатров; русые волосы, разевающиеся на ветру; солнце, скрывающее свой лик за мрачной стеной багровых туч; выпотаптанный снег, на котором, скорчившись, замерли в лужицах чего-то алого темные фигурки.

Это последнее воспоминание отчетливее всех остальных. Уже много позже мне объяснили, что это поля Ётунхайма, где разыгралась страшная битва — та самая легендарная битва асиров, о которой затем на протяжении веков слагали песни седобородые сказители, отзывы которой дошли до нашего времени в виде туманных описаний Рагнарёка и Гёттердеммерунга. Так вот, представьте себе, что я видел это грудным ребенком, стало быть, жил где-то в... Нет, не будем уточнять — вы еще примете меня за сумасшедшего, а историки и совместными усилиями геологи спустят с меня шкуру.

Но это не более чем смутный фрагмент, гораздо ярче я вижу кочевье, в котором, собственно, и прошла вся моя жизнь. Мы не выбирали себе путь осознанно, но так уж получалось, что наше племя постоянно шло на юг. Иногда мы останавливались и жили какое-то время в плодородных долинах меж высокими горами или по берегам величавых рек, но рано или поздно срывались с насиженного места и двигались дальше. И дело отнюдь не в грозившем нам голоде или, допустим, внезапной засухе, — случалось, мы уходили в пустыню, без сожаления покидая земли, богатые дичью. Нет, нас гнали вперед неутоленные страсти и желания. Такова уж человеческая природа. Но мы об этом думали тогда не больше, чем дикие гуси думают о причинах сезонных миграций. Вот так однажды мы и оказались в тех местах, где обитало Чудовище.

Я начну свою повесть с того момента, когда мы подошли к холмам, покрытым буйной растительностью, в которой кишила разнообразная живность.

Именно тогда мы впервые услышали тамтамы аборигенов, наполнявшие рокочущей дробью жаркую душную ночь. Утром мы увидели самих обитателей холмов — низкорослых, коренастых, черноволосых дикарей с пестро размалеванными жестокими лицами, но, несомненно, белокожих. Мы издавна знали их род. Это были пикты, наиболее воинственное из всех известных нам племен. Пикты попадались нам и в густых лесах, и в горных долинах, но со временем нашей последней встречи с ними утекло немало времени. Думаю, что здешнее племя пиктов дальше всех иных откочевало на восток. Всего несколько поколений пиктов

успело смениться на этом месте, но бесконечные джунгли уже начали переваривать этих людей, стирая прежние черты и подгоняя их под свой кошмарный эталон.

Мы шли пешком — белобородые, похожие на волков, старики; могучие, в расцвете сил, мужчины; нагие дети; златовласые женщины с младенцами на руках, никогда, кстати, не плакавшими. Я не помню, сколько нас было, — что-то около пяти сотен воинов. Воинами я называю всех мужчин: от детей, достаточно сильных, чтобы держать лук, и до самых дряхлых старцев. В те жестокие времена воевали все. Наши женщины дрались в случае необходимости, как тигрицы, я помню младенца, вцепившегося зубами в ногу наступившего на него врага.

Да, мы были настоящими воинами. Но пришло время рассказать о Ньёрде. Я горжусь собой, бывшим им, особенно сейчас, когда вижу жалкое, парализованное тело Джеймса Эллисона — теперешнее мое вместилище, которое я вскоре без сожаления покину.

Ньёрд был высоким, широкоплечим, с сильными руками и крепкими ногами, юношей. Длинные упругие мышцы дарили ему не только силу, но и выносливость. Он мог сутками бежать, не выказывая ни малейших признаков усталости. Ошеломляющая стремительность движений превратила бы его тело в глазах современного наблюдателя в размытое пятно. Поведай я в цифрах вам о его силе, вы посчитали бы меня лжецом. На всей Земле не сыскать сейчас человека, который смог бы натянуть лук Ньёрда. Помнится, в наши дни рекорд по стрельбе из лука принадлежит одному турецкому спортсмену, пославшему стрелу на четыреста восемьдесят два ярда¹. В моем племени подростки, не сумевшие бы побить этот рекорд, просто не выживали.

Итак, углубившись в джунгли, мы услышали тамтамы, гремевшие в таинственных долинах, прятавшихся среди холмов. Враг ждал нас на широком, открытом со всех сторон плоскогорье. Здешние пикты, судя по всему, ничего о нас не знали, даже слухи об асирах до них не дошли, ибо будь иначе, им бы в голову не пришло пытаться противостоять нам в открытом бою. Разрисованные дикиари раска-

¹ Более 440 метров.

чивались на ветках, грозно завывали, вопили, что свалят наши головы к ногам своих богов, что наши женщины будут рожать им сыновей. Ха! Ха! Ха! О Имир! Это рассмеялся Ньёрд, а не Джеймс Эллисон. Именно так, от всей души, смеялись тогда асиры, услышав эти угрозы. Моря крови, океаны пламени и холмы пепла оставляли за собой мы, бывшие беспощадными убийцами, неумолимыми грабителями, с мечом в руке покорявшие жестокий мир. Кривления пиктов просто нас позабавили.

Мы устремились им навстречу, скидывая на ходу с плеч волчьи шкуры и вытаскивая из ножен бронзовые мечи. Наш рев громом прокатился по плоскогорью. Пикты выстрелили из луков, мы ответили тем же. Где им было тягаться с нами в меткости! Тяжелые стрелы асиров обрушились на них стеной, и дикари валялись наземь, словно сухие тростинки под порывами ветра. Когда завывающие пикты с пеной на губах набросились на нас, мы, опьяненные радостью сражения, отшвырнули луки прочь и дали волю мечам.

Я описываю эту битву несколькими сухими словами, так как чувствую, что моих скромных талантов просто не хватит, чтобы передать это безумие, заставить вас почувствовать запах крови и пота, хриплое дыхание, напряжение мускулов, звук рассекаемой могучими ударами плоти. Главным отличием этой резни была беспредельная жестокость; в ней не было ни правил, ни порядка, просто каждый дрался, как хотел и как мог. Если бы я начал описывать все, что там происходило, ваши желудки не выдержали бы. Я сам, участвовавший в этой бойне, ныне не могу сдержать дрожи. О том, что сражаться с врагом можно, подчиняясь каким-то правилам, никто даже не догадывался. В те времена человек с момента своего рождения и до самого мига смерти зубами и когтями дрался за жизнь, ни у кого не прося пощады и никому ее не даря. Все проявления милосердия были случайными, порожденные стечением обстоятельств, и, соответственно, крайне редкими.

Так вот, мы погнали отступающих пиктов к лесу, а поле боя осталось за нашими женщинами, которые камнями разбивали головы поверженных врагов и бронзовыми ножами перерезали им горло. Пленных в нашем обществе не пытали. Более жестокими, чем того требовала жизнь, мы не

были. Жизненные законы той поры были воистину бесчеловечными, но справедливости ради следует сказать, что современное «цивилизованное» общество отмечено бессмысленной жестокостью отнюдь не в меньшей степени.

И все же, доводилось проявлять милосердие и нам. Мне попался чрезвычайно мужественный противник. Значительно уступая мне в росте, пикт был не намного слабее меня — сплошной клубок стальных мускулов, и выпады его железного меча были подобны разящей молнии. Защищался он большим деревянным щитом, обитым буйволиной кожей. У меня в руках была огромная палица с шипами.

Я был ранен, крови обильно текла из нескольких глубоких ран на груди и руках, но вот один из моих ударов достиг цели, смяв его щит, словно картонный ящик. Мгновение спустя палица обрушилась на его обнаженную голову. О Имир! Даже сейчас улыбка кривит губы, когда я вспоминаю об этом. Сколь же крепким оказался череп этого пикта! На голове его открылась страшная рана, и он рухнул на землю, потеряв сознание. Я бросился на следующего противника, будучи уверенным, что с могучим пиктом покончено раз и навсегда, а затем присоединился к воинам, преследовавшим врага.

Когда я, залитый с ног до головы потом и кровью, вернулся на поле брани, то увидел, что мой противник приходит в сознание, а одна из девушек-подростков как раз собирается обрушить на его голову огромный камень. Некий мимолетный каприз заставил меня остановить девушку. Сам по себе поединок доставил мне огромное удовольствие, но я был поистине восхищен столь совершенной конструкцией черепа этого человека.

Мы разбили лагерь здесь же, на плоскогорье, неподалеку от места сражения. Наших павших соплеменников, поверьте им было совсем немного, мы сожгли на огромном костре, а трупы врагов попросту сбросили вниз в долину, на радость сбегавшимся пожирателям падали. В ту ночь мы ждали нового нападения, но так и не дождались. Лишь джунгли озаряло багровое зарево многочисленных костров, да порывы ветра время от времени доносили гулкую дробь тамтамов и вой. В деревнях пиктов оплакивали погибших или, быть может, просто орали, разряжая бессильную зло-

бу. Не нападали они на нас и в последующие несколько дней. Тем временем раны нашего пленника начали затягиваться. Он был очень общителен, и мы достаточно быстро усвоили его примитивный язык. Его звали Громом, и он хвастался, что был лучшим охотником во всех пиктских кланах. Он охотно болтал с нами, поблескивая маленькими глазками из-под черной гривы спутанных волос, прикрывавшей низкий лоб, и широко улыбался, обнажая похожие на клыки зубы.

Гром проявлял к нам, асирам, живейший интерес, неведомым людям, победившим его племя, но почему-то не спешившим воспользоваться плодами победы. Но он так никогда и не смог понять, почему, собственно, мы его пощадили и оставили в живых. Именно Гром и подал нам идею послать его к соплеменникам, чтобы от нашего имени заключить с ними мирный договор. Для нас это не имело особого значения, потому что в случае нового нападения мы бы просто вырезали всех пиктов. Тем не менее никому не пришло в голову задерживать Грома — позорная идея рабства в мире Ньёрда еще не появилась.

Пикт вернулся к своему племени, и мы забыли о нем. Лишь я стал чуть осторожнее вести себя на охоте — мне все казалось, что он скрывается в густых зарослях и поджидает благоприятного момента, чтобы пустить стрелу в спину. Но вот однажды спокойствие ночи нарушил снова грохот тамтамов, и поутру из леса появился наш старый знакомый с торжественной улыбкой на толстых губах. За ним шествовали вожди кланов — с перьями в волосах, закутанные в волчьи шкуры, с размалеванными лицами. Наше воинское искусство изрядно устрашило обитателей леса, но еще большее впечатление на них произвело то, что мы отпустили Грома живым и невредимым. Подобный поступок настолько не вписывался в их привычный порядок вещей, что вожди пиктов сочли его знаком безграничного презрения к намного более слабому противнику.

Так мы заключили мир с пиктами. По этому поводу состоялось шумное мероприятие, было произнесено множество клятв, всяких ритуальных заклинаний. Мы поклялись именем Имира — эту клятву ни разу не нарушил ни один асир. Они обращались ко всем стихиям, взвывали к своему

божку, сидящему в специальной хижине, в которой постоянно пыпал огонь, а также существу настолько ужасному, что его боялись назвать по имени. И все это время, не замирая ни на секунду, высохшая старуха колотила в бубен. Затем мы сидели у костров и пили хмельной взвар из местных злаков, закусывая его мясом дичи, зажаренной здесь же.

До сих пор не могу понять, как это пиршество не закончилось резней, ибо напиток этот имел страшную силу и бил по голове словно молот. Но ничего страшного тогда не произошло, и с тех пор мы жили с нашими соседями в мире и согласии. Пикты многому научились от нас, да и мы переняли от них кое-что полезное. Так, мы быстро приспособились обрабатывать железо, поскольку в здешних местах совсем не было меди.

Мы беспрепятственно заходили в их деревушки — небольшие скопления хижин-мазанок, обычно на полянах, в тени гигантских деревьев. Пиктам, в свою очередь, никто не мешал бродить по нашему лагерю — наши кожаные шатры так и остались стоять там, где мы их поставили.

Тем не менее мои соплеменники не обращали ни малейшего внимания на коренастых пиктских девушек с глазами-бусинками, а стройных златокудрых асирок совершенно не интересовали кряжистые, заросшие с ног до головы волосами юноши. Похоже, и мы не очень-то привлекали пиктов. Проживи мы рядом хотя бы пару лет, взаимная неприязнь наверняка развеялась бы и два наших племени слились бы воедино.

Но этому не суждено было произойти, потому что племя асиров двинулось дальше, однажды растаяв в предрасветной мгле. Но до того, как это случилось, нам пришлось пережить ужас встречи с Чудовищем.

Я часто охотился на пару с Громом, он водил меня по диким тучным долинам, крутым склонам холмов, где не ступала нога человека. Было, однако, некое место на юго-западе, куда он ни за что не соглашался меня отвести. На дне этого гигантского чащевидного углубления между скал издалека видны были обломки рассыпавшихся или разбитых вдребезги колонн, свидетелей былого величия некой древней, исчезнувшей еще до появления человеческого рода цивилизации. Гром показал мне эти руины сверху, со

скал, нависавших над этой запретной долиной, но наотрез отказался идти туда со мной и отговорил от намерения спуститься в одиночку. Там было нечто такое, о чем он боялся говорить открыто, но опасность была более грозной, чем змеи, тигры или даже гигантские слоны, стада которых иногда забредали сюда с юга.

По словам Грома, пиктов не пугали дикие звери — единственным, кого они действительно боялись, был Сатха, прародитель змей. Но некая страшная тайна окутывала их незримым облаком ужаса — мы, асиры, хорошо чувствовали подобные вещи, и связана она была каким-то образом с Долиной Потрескавшихся Камней — так они называли место, где лежали поломанные колонны. Много лет назад их предки, только поселившиеся в этих краях, осмелились потревожить покой этого мрачного места, и целый пиктский клан погиб страшной, непонятной смертью. Так, во всяком случае, рассказывал нам об этом Гром. Из его слов мы уяснили, что объявился Ужас из неведомых земных глубин, и говорить о нем вслух было, по мнению пиктов, безрассудно, потому что слова могли вызвать его вновь. Даже само упоминание о нем.

Но в любом другом месте Гром готов был охотиться со мной сколько угодно. Он действительно был лучшим охотником среди пиктов, и мы с ним пережили множество опаснейших приключений. Однажды я железным мечом, выкованным собственными руками, зарубил проклятую бесстию — серого саблезуба, современные ученые его называют саблезубым тигром, поскольку углядели в нем сходство с гигантской кошкой. На самом деле приземистое тело этого хищника, опиравшееся на массивные толстые лапы, напоминало, скорее, медвежье, хотя голова, несомненно, была тигриной. Зверюга исчезла с поверхности Земли потому, что была слишком страшна даже по меркам тех кошмарных времен. На протяжении целых эпох сила мышц его росла, росла и его свирепость и кровожадность. Мозг же постепенно уменьшался, и в конце концов саблезуб утратил инстинкт самосохранения. Его уничтожила сама Природа, озабоченная сохранением равновесия. Ибо если бы невероятные бойцовские качества жуткого создания соответствовали развитию мозга, все иные формы земной жизни были бы

обречены на гибель. Саблезуб был шалостью, тупиковым ответвлением эволюции, нежизнеспособной формой, ориентированной лишь на убийства да разрушения.

Я победил саблезуба в поединке, который сам по себе достоин быть воспетым в балладе. Долгие месяцы после этого я провалялся в бреду с ужасающими ранами. Пикты качали головами и утверждали, что на их памяти не было случая, чтобы кому-нибудь удалось справиться с этой бесптией в одиночку. Я — Ньёрд, еще больше поразил их тем, что вопреки ожиданиям знахарей, выжил.

Пока я пребывал у врат королевства смерти, произошел раскол племени. Подобные события вовсе не считались чем-то особенным в те времена, и племя отнеслось к этому довольно спокойно. Четыре дюжины молодых воинов, решивших отделиться вместе со своими избранницами, откочевали, чтобы заложить новый клан. Для поселения они выбрали Долину Потрескавшихся Камней. Пикты буквально умоляли их одуматься, но асиры лишь посмеялись над ними. Мы оставили своих демонов далеко на севере, среди ледяных пустынь, а уж чужими испугать нас было и вовсе нельзя.

Как только ко мне вернулись силы и я смог управлять своим мечом, я отправился навестить друзей на их новом месте жительства. Грона со мной не было — он уже несколько дней не появлялся в лагере асиров. Но я хорошо запомнил дорогу в то место, откуда открывался живописный вид на озеро в верхней части долины и густой лес на противоположном ее конце. Долину с двух сторон сторожили крутые скалы, а ее более низкая северо-западная часть была густо утыкана полуразрушившимися колоннами. Некоторые из них еще возносились над кронами деревьев, другие давно уже рассыпались, превратившись в груды камней, заросшие густой травой. Кто их там поставил, не знал никто. Грому, правда, перебрав раз хмельного взвара, нес что-то невразумительное о некоем волосатом, похожем на обезьяну существе, танцующем под звуки демонической музыки пищалок.

Я пересек плоскогорье, на котором стоял наш лагерь, спустился вниз по склону и углубился в заросли. От хребта, за которым лежала долина с колоннами, меня отделяло пол-